

Цивилизационный переход в фокусе междисциплинарной методологии. Рецензия на книгу: Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.

УДК 316.324.8:004

DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-121-130

Получено 03.02.2022

Доработано 25.02.2022

Принято 01.03.2022

Игнатъев Владимир Игоревич

Д-р филос. наук, проф., ФГБОУ ВО "Новосибирский государственный технический университет", г. Новосибирск, Российская Федерация

ORCID: 0000-003-3243-4404; Scopus Author: 57194550133; Researcher ID: AAP-7412-2021

SPIN-код: 4764-0216

E-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Представлена рецензия монографии, посвященной методологическим и теоретическим аспектам социологии цифрового общества. Людмила Александровна Василенко и Наталия Николаевна Мещерякова вводят понятие цифрового общества как нового самостоятельного этапа существования постиндустриального общества и переходного этапа к постцифровому. Понятие конституируется через описание сущностных черт цифрового общества, качественно выделяющих его на общей линии цивилизационного развития. Авторы утверждают, что классической социологии с ее арсеналом теорий, методов и техник недостаточно для познания гибридной реальности, частично виртуализированной. В книге закладываются теоретические и методологические основы социологии цифрового общества. Ее содержание нацелено на подведение итогов изучения цифрового общества как особой стадии информационного общества и формирование авторского видения способа решения проблем. В тексте сгенерированы обзоры наиболее значимых исследований. Представлен

полидисциплинарный подход и к обзору, и к изложению собственных позиций и наработок. Авторы выходят далеко за пределы предмета собственно социологической науки, и формируют объемную картину цифрового общества как целостности. Цифровое общество рассматривается с позиции цивилизационного подхода. Авторы последовательно концентрируют свое внимание на вопросе об эволюции становления информационного общества, затем переходят к главному аспекту авторской концепции. Они разворачивают аргументы в пользу доказательства того, что цифровое общество – очередной этап развития информационного общества. Реализован оригинальный сценарный подход к интерпретации эмпирических данных о процессе цифровизации. При организации исследования и формулировке выводов выделяются позитивные и негативные последствия, и сценарии эволюции. Книга представляет значительный интерес для социологов, философов, специалистов в области социального управления.

Ключевые слова

Цифровое общество, социология, междисциплинарный подход, эволюция, цифровая социология, возрастание сложности, нормальная аномия, сценарный подход, гибридные методы

Для цитирования

Игнатъев В.И. Цивилизационный переход в фокусе междисциплинарной методологии. Рецензия на книгу: Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Социология цифрового общества: монография. - Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с. // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 121-130.

© Игнатъев В.И., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Civilizational transition in the focus of interdisciplinary methodology. Review on the book: Vasilenko L.A. and Meshcheryakova N.N. (2021), *Sociology of Digital Society*: monograph, TPU Publishing House, Tomsk. (In Russian)

Received 03.02.2022 Revised: 25.02.2022 Accepted 01.03.2022

Vladimir I. Ignatyev

Dr. Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

ORCID: 0000-003-3243-4404; Scopus Author: 57194550133; Researcher ID: AAP-7412-2021

SPIN-код: 4764-0216

E-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

ABSTRACT

The research paper presents a review of the monograph devoted to the methodological and theoretical aspects of the digital sociology. L.A. Vasilenko and N.N. Meshcheryakova introduce the digital society concept as a new independent stage in the existence of a post-industrial society and a transitional stage to a postdigital one. The concept is constituted through the description of the digital society essential features, which qualitatively distinguish it on the general line of civilizational development. The authors submit that classical sociology, with its spectrum of theories, methods and techniques, is not enough to understand the hybrid reality, partially virtualized. The monograph lays the theoretical and methodological foundations of sociology of digital society. Its content is aimed at summing up the study results of the digital society as a special stage of the information society and the formation of the author's vision of the way to solve problems. Reviews of the most significant studies have been generated in the text. A multidisciplinary

approach to the review and to the presentation of one's own positions and developments has been presented. The authors go far beyond the subject of sociological science itself, and form a three-dimensional picture of digital society as a whole. Digital society is considered from the perspective of a civilizational approach. The authors consistently concentrate their attention on the issue of the evolution of the information society formation, then move on to the main aspect of the author's concept. They are deploying arguments in favor of proving that the digital society is the next stage in the information society development. An original scenario approach to the empirical data interpretation on the digitalisation process has been implemented. When organising the study and formulating conclusions, positive and negative consequences and scenarios of evolution are highlighted. The book is of considerable interest to sociologists, philosophers, specialists in the field of social management.

Keywords

Digital society, sociology, interdisciplinary approach, evolution, digital sociology, increasing complexity, normal anomie, scenario approach, hybrid methods

For citation

Ignatyev V.I. (2022) Civilizational transition in the focus of interdisciplinary methodology. Review on the book: Vasilenko L.A. and Meshcheryakova N.N. (2021) *Sociology of Digital Society*: monograph, TPU Publishing House, Tomsk, Russia (In Russian). *Digital sociology*, vol. 5, no. 1, pp. 121-130. DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-121-130

© Ignatyev V.I., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Перед нами книга, актуальность которой, судя по ее названию, не вызовет сомнений: что еще теперь чаще звучит на площадках популяризации науки и технологий и научных дискуссиях, как не «цифра»? Однако научная монография, посвященная выяснению особенностей современного этапа развития цивилизации и возможности ставить и решать вопросы изучения цифрового общества, пока еще относится к редкому виду публикаций. Особенно, если речь идет о социологическом подходе. Авторы исследования Людмила Александровна Василенко и Наталья Николаевна Мещерякова имеют достаточно веские основания представить на суд читателей свой труд, поскольку длительное время работают в тематической области социологических исследований как информационного, так и цифрового общества. Ими накоплен и обобщен собственный опыт конкретных эмпирических исследований, а также сформулированы авторские подходы к изучению этого относительно нового для социологии объекта – цифровой стадии общества и процесса его цифровой трансформации.

Цель, поставленная авторами произведения, – заложить методологические и теоретические основы социологии цифрового общества. Основой для авторов выступает междисциплинарный подход. Структурно работа делится на две равные по объему части. Первую можно отнести к области обсуждения теоретико-методологических (гл. 1) и концептуальных оснований (гл. 2). Можно было бы ожидать, что авторы в этих главах представят социологические теории (теорию), методы и методики для построения нового теоретического объекта на языке социологической науки. Однако перед нами предстает иной вариант развертывания предпосылок построения теории цифрового общества. В главе 1 авторы представили предельно расширенное толкование объекта социологии цифрового общества, поскольку исходят не из социологического, а междисциплинарного подхода. Дисциплины, привлекаемые для формулировки предпосылок, относятся даже не к научным или философским, а к общенаучным подходам: фрактально-эволюционный, системно-синергетический, информационный, антропосоциетальный и методология исследования сложности (с. 9–39). Однако, в случае применения каждого из подходов в отдельности, можно получить различные теоретические модели, кроме социологической. Если затем сводить полученные результаты в единую систему, то, вероятно, будет получена объемная, целостная

модель цифрового общества. Это будет вариант интегрированной социальной, но не социологической теории. И состоять он будет из относительно независимых «плоскостей» отражения общества со стороны его фрактальности, системности, самоорганизующейся целостности, информационной системы или антропосоциетального профиля. Каждая из плоскостей будет представлена на языке своего понятийного аппарата и теоретическими конструкциями, отличными от других. Феномен «цифры» будет оставаться для них чужеродным. Все названные подходы при их реализации будут оставаться именно подходами, но не теоретико-методологическими основаниями теории цифрового общества, если не будут переведены со своего отраслевого, «внутреннего» языка на язык, которым описываются именно цифровые процессы – цифровизация, цифровые трансформации. Если такой перевод не состоится, привлекаемые подходы останутся не реализованными намерениями. Диалектика объекта, предмета и метода задает требования обусловленности метода и предмета спецификой вычленяемого фрагмента реальности как комплекса феноменов особого рода. Если предположить, что цифровизацию можно отразить в особой теории, это означает, что «цифровые» феномены не могут быть признаны другими феноменами, в том числе и информационными.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ / CONTENT ANALYSIS

Рассмотрим как же авторы пытаются адаптировать выделенные подходы к задачам разработки особого метода «цифровой социологии». Следует ожидать фиксации особого объекта и предмета. Обратимся к тексту главы 1. Как видят авторы возможность применения междисциплинарного подхода к исследованию процессов цифровизации? Они выбирают версию кросс-дисциплинарного синтеза, предложенного Л.А. Колесниковой, предполагающего привлечение результатов исследования одного и того же объекта различными методами с последующим их объединением в целостную концепцию объекта. Такой поход более сложен, чем просто реализация принципа дополнительности, по замечанию авторов, с чем трудно не согласиться (с. 11–12). Таким образом, модель объекта (цифрового общества) «собирается» не из «пазл» применения методов разных наук, а из результатов применения различных общенаучных подходов. Думается, что предлагаемый авторами вариант именно такой трактовки междисциплинарности имеет продуктивную

перспективу и еще не нашел применения к изучению цифрового общества. В качестве примера авторы демонстрируют возможности фрактально-эволюционного подхода (с. 12–18). Ими предлагается его следующее определение: «Универсальный механизм фрактального упорядочения определяет фрактально-энергетическое и информационное сжатие способа итерационного образования повторяющихся структур различного масштаба согласно заданному образцу, закладывая правило рекурсивного циклического повторения изначальной формы по одному и тому же правилу в различном масштабе» (с. 18). Его применение к объяснению процессов цифровизации дает возможность авторам представить следующую формулировку: «Современный период становления цифрового общества отличается как особенностями выстраивания коммуникативных каналов в условиях глобализации. Разнообразие фрактальных образований и их скоротечная продолжительность жизни обусловлена именно динамикой глобального развития и отставанием процесса институционального созревания» (там же). Второй подход, значение которого особо подчеркивается авторами – системно-синергетический (с. 18–22). Почему актуально его применение? «Человечество вступило в век бифуркаций, обусловленных самоорганизационными процессами перехода социальной системы в качественно новое состояние» (с. 18). В чем преимущество и эвристичность этого подхода перед другими для социальных исследований? «Системно-синергетический подход определяет методологические основания, позволяющие своевременно выделять формирующиеся тенденции развития социальных процессов, анализировать вероятность наступления тех или иных спонтанных событий с учетом границ применения исследовательских инструментов» (с. 18–19). Как же может помочь этот подход в моделировании и объяснении процессов цифровизации? Этот вопрос, как можно было бы ожидать, авторами не ставится. Но можно поддержать их намерение начать поиск и вслед за работами социологов, применявшими элементы синергетики к объяснению новых феноменов социальной реальности, спроецировать характеристики уже открытых нелинейных, неравновесных процессов на признаки цифровой трансформации.

Еще один подход, выделяемый в этой работе как значимый – информационный (с. 22–26). Можно было бы ожидать, что из него будет извлечен образец обеспечения успешной интерпретации специфики цифровизации как этапа (по мнению авторов) информатизации. Они подчеркивают, что «информационный подход

строится на многоаспектности определения термина «информация... Информация представляет собой главный движущий фактор самоорганизующихся систем любой природы» (с. 22). Для использования информационного подхода в монографии осуществляется группировка определенных понятий информации по нескольким основаниям, обращается внимание на такие аспекты, которые могут способствовать объяснению ряда социальных процессов, относящихся к сфере социологического знания. Среди них: информация как знания и сведения; некий порядок, мера определенности; мера сложности, алгоритм, инструкции к самоорганизации (с. 24–25).

Среди выделенных авторами методологических оснований наиболее близко к социологии находятся антропосоциетальный подход, который трактуется как полипарадигмальный и строится на трех составляющих: человек, социум и культура (с. 26). «Данный подход исходит из взаимодействий индивидов и их сообществ, образуя некоторую человеко-социокультурную систему – антропосоциокультурную целостность, именно взаимодействия между индивидами представляют собой синергетический эффект» (с. 26–27). Такой подход позволяет авторам предложить следующую версию его применения в изучении цифрового общества: «В цифровом обществе расширение коммуникативного круга осуществляется в гибридной информационной среде с высокой скоростью» (с. 27). Авторы полагают, что необходимо привлечь потенциал исследований Н.И. Лапина, Т.М. Дридзе, О.Н. Яницкого, С.А. Кравченко и др. Однако первостепенное значение среди подходов в книге отдается методологии и методам изучения сложности (с. 29–39). Как предлагают авторы использовать методологию изучения сложности? Они исходят из необходимости учитывать четыре уровня (фазы) ее образования (с. 29). Первый уровень – мезоуровень, второй – микроуровень, третий – макроуровень, четвертый – мегауровень. Для исследования сложности цифрового общества авторы предлагают применять модель фрактальной модификации Л.А. Колесниковой и модель организационной трансформации Ф. Глазла и Б. Ливехуда (с. 30). Адаптация этих подходов была представлена в систематизированном виде в таблице (с. 31–34). Описание каждого уровня сложности напоминает собой «каркас» моделей, с помощью которых в социальной реальности цифрового общества можно отслеживать этапы его становления. Этот «каркас» конструируется авторами с помощью заявленных ранее общенаучных методов и соответствующего им понятийного аппарата: система, структура, стохастические

процессы, уровень сложности, информационное поле системы, флуктуация, возбужденное состояние, состояние неравновесности, производство энтропии, функциональная специализация, информационное сжатие, топология системы, ядро фрактала, рекурсивное распространение, фаза интеграции, инновирование системы, параметры порядка, иерархия построения, режим с обострением (с. 29–38). В итоге авторы развертывают на поле методологии набор инструментов, среди которых пока еще им не удается создать переходные понятия и семантические конструкции, которые могли бы позволить перевести язык общенаучных понятий на язык социологии. Хотя, некоторые отдельные варианты были в этом тексте предложены: поведенческое пространство, социальная система, коммуникационные связи, культурные формы, смысловые единицы, внутренние правила взаимодействий, культурный опыт, отбор образцов, ценностей и норм, символические единицы, смыслообразующий вектор, организационно-управленческая и нормативная система, мотивация, креативность, социокультурное пространство, уровни управления, социальные контакты акторов, посреднические институты, социокультурные сети, субъективная реальность, информационная культура, переупорядоченность социальной системы. Не все из этих понятий можно отнести к предметной области социологии. Этого глоссария, конечно, не достаточно для поиска в социальных действиях и взаимодействиях универсальных процессов и законов, но они направляют исследование именно на поле социологического изучения цифрового общества, что, однако, требует разработки основополагающих положений общей теории цифровизации, чему авторы посвящают главу 2 «Информационное и цифровое общество в развитии цивилизации» (с. 40–95).

Как следует из названия главы, цифровое общество рассматривается с позиции цивилизационного подхода, который есть особая отрасль социальной философии, и ее специальных разделов – философии истории и общей социальной теории. Авторы последовательно концентрируют свое внимание на вопросе об эволюции становления информационного общества в разделе 2.1, затем переходят к главному аспекту авторской концепции, в разделе 2.2 развертывают аргументы в пользу доказательства того, что цифровое общество это очередной этап развития информационного общества. Цивилизационный подход предполагает выявление качественного своеобразия экономики этой стадии, чему посвящается раздел 2.3 «Цифровая экономика в становлении экономики супермного

общества 5.0». Собственно, социологическая интерпретация цифрового общества содержится в разделе 2.4. Этот раздел наиболее интересен с точки зрения демонстрации авторами сгенерированных ими данных, содержащихся в последних исследованиях, и посвященных развернутому ответу на вопрос: кто же такой человек информационного общества. Этот раздел монографии наиболее ярко свидетельствует об одном из важнейших пунктов новизны всего исследования. Можно согласиться с авторами, что «представленный здесь социологический портрет человека цифровой цивилизации – одна из попыток описания основных социальных, ценностных, духовных, культурных и других личных качеств, которые могут его характеризовать. Исследование последствий десяти лет дают основание говорить о феномене Homo digitals» (с. 87). Готов согласиться – вполне удачная попытка. Следует отметить важную и оригинальную особенность подхода авторов к интерпретации эмпирических данных о процессе цифровизации: они организуют исследование и выводы, используя сценарный подход, выделяя позитивные и негативные последствия, и позитивные и негативные сценарии эволюции. Хотя, использование сценарного подхода необходимо проводить, сопрягая его с фактом учета позиций разных социальных агентов, и вряд ли уместно при концептуальном моделировании фиксировать через оценочные суждения, что делает получаемую картину предвзятой и искаженной. Вероятно, более продуктивной была бы терминология «конструктивные» и «деструктивные» последствия. Представив картину этапов эволюции информационного общества к стадии цифрового и достижения в сфере технологий и управления, авторы монографии особо выделили негативные последствия: «Вместо модели информационного общества, в котором будет функционировать инновационное публичное управление с участием граждан... созданы либерально-олигархические системы управления» (с. 47). Авторы подчеркивают, что «в цифровом обществе становится жизненно важным адекватное построение социально ориентированного управления» с гибридными, инфосоциальными механизмами регуляции (там же).

Центральным разделом монографии можно рассматривать раздел 2.2 «Цифровое общество – очередной этап развития информационного общества» (с. 48–64). Именно в этой части текста авторы, собственно, и делают попытку (и небезуспешную) сформулировать ряд важных концептуальных положений социологии цифрового общества, обобщить результаты многочисленных отечественных и зарубежных исследований,

и, в итоге, представить основание собственной концепции. Ими были выявлены следующие направления толкования цифрового общества, представленные в различных исследованиях. Это: новая цифровая реальность, следующий шаг в эволюции общества; новая формация как новая форма рабства; комплекс новых технологий; переход к «умному управлению»; рождение новых форм социальных субъектов; новые информационные каналы; возникновение нового научного направления – цифровой социологии (с. 48–50). Исследуя представленные в литературе описания цифрового общества, авторы предложили систематизированную ими версию его признаков: завершение цифровой трансформации общества; коммуникационные технологии коллективной деятельности трансформируют все сферы общественной жизни; формируется смарт-общество, смарт-элиты нового типа и новое неравенство; изменение рынка труда и жизнь без работы; наиболее ценным видом собственности становятся технологические платформы; современный этап цифровой трансформации определяют четыре ведущие технологии – облачные вычисления, большие данные, интернет вещей и искусственный интеллект, возникает «следающий капитализм»; виртуальные отношения переходят в реальный социокультурный мир (с. 60–62). Авторы полагают, что цифровое общество – это заключительный этап внедрения цифровых технологий. Цифровизация – механизм перехода постиндустриального общества в свою завершающую стадию – цифровое общество. Это этап гибридного общества, которое авторы понимают как взаимопроникновение виртуального и реального миров (с. 63). В соответствии с введенным сценарным подходом позитивному сценарию противостоит негативный, ведущий к рискам (с. 64). В итоговой авторской версии цифровое общество это суперумное, соответствующее шестому технологическому укладу, характеризуемое трансгрессией виртуальных отношений в реальный социокультурный мир с умным использованием гибридного коллективного интеллекта (с. 64).

Заслуживает внимания и раздел 2.3, посвященный цифровой экономике, в котором подчеркивается, что в определение цифрового общества должны войти факторы цифрового взаимодействия в конвергентной цифровой среде, интеграция аналитики больших данных с технологиями принятия решений и процессы построения больших систем, объединяющих интернет вещей (с. 65). В работе используется определение, данное Д.Н. Барановым, в соответствии

с которым цифровая экономика – это возможность моментально обмениваться информацией в реальном времени, минуя физическое пространство. Авторы монографии подробно характеризуют ключевые направления цифровой экономики: конвергенция коммуникационных технологий на основе Интернета и виртуальной и дополненной реальности; промышленный интернет; искусственный интеллект, нейросети и роботизация; большие данные; информационно-технологические решения в финансовой сфере и юриспруденции; цифровая медицина. К важнейшим социальным особенностям цифровой экономики, по мнению авторов, относится качественное изменение содержания профессий. Они полагают, что, прежде всего, получают дальнейшее распространение такие специалисты, как маркетологи, разработчики информационных систем, веб-аналитики, интернет-журналисты, сетевые юристы, виртуальные адвокаты, модераторы платформ, персональные бренд-менеджеры и целый ряд других (с. 72–73). Особо подчеркивается, что будут востребованы социологи, владеющие современными методами цифровой социологии. В целом же, отмечают авторы, «переход к суперумному обществу актуализирует такие направления, как талант-менеджеры, креативное лидерство и креативные индустрии, применение GALS-технологий и Agile-технологий» (с. 73). В книге выделен ряд угроз от развития современных технологий. Это потеря контроля над ними, использование во вред природе, обществу и человеку. Уже эмпирически фиксируется: рост эксплуатации, безработица, возникновение новых форм неравенства и сужение социальной базы постиндустриального общества (с. 81–82). Авторы заключают, что смарт-общество – это общество нового типа неравенства, цифрового, когда обнаружится неспособность большинства направлять свои усилия и свободное время на приумножение собственного социального капитала (с. 85).

От экономических характеристик цифрового общества в разделе 2.4 авторы переходят к выявлению качественных изменений положения человека. Ими представлен социологический портрет человека цифровой цивилизации на основе исследований последних десяти лет. Они подчеркивают, что цифровизация ведет к переосмыслению классических социологических понятий, например, к введению понятия «коммуникационная мобильность» вместо физического перемещения и социальной мобильности. Homo digitalis ориентирован на гибкие социальные компетенции. Он обладает цифровой мобильно-

стью – высокой скоростью и разнообразием обмена различными продуктами своей деятельности, он меньше связан с территорией, помещением и коллективами, одновременно выступает в нескольких ролях (с. 89–90). У него невысокая степень ответственности за потребление, создание и распространение контента в социальном пространстве (с. 91). Значительно меняются некоторые ценностные основы общества, что приводит либо к более открытой культуре, либо к откату к традиционным ценностям. Фактором негативного влияния на развитие человека цифрового общества выступает неразвитость «геоинформационной культуры безопасности» (с. 92). Авторы приходят к выводу, что Homo digitals не может быть внутренне однородным. По их мнению, в нем можно вычленил такие человекообразные подсистемы, как Digital User (цифровой пользователь), Digital Creator (цифровой создатель) и Digital Outsiders – оставшиеся вне цифровизации. На самом вершине этой новой социальной пирамиды, по мнению авторов, необходимо разместить Digital Owners – собственников онлайн-сервисов и компьютерных и программных компаний (с. 93).

Содержанием главы 3 стала реализация авторами демонстрации развертывания негативного сценария развития цифрового общества в аспектах развития концепции «нормальной» аномии, разработчиками которой являются С.А. Кравченко и сами авторы монографии. Понятие «нормальной аномии» было введено С.А. Кравченко и им же разработаны основополагающие положения концепции. В рецензируемой монографии Василенко обращает внимание на особенность собственной трактовки этого явления. Ее позиция оригинальна и вполне обоснована. Она акцентирует внимание на конструктивном потенциале нормальной аномии, полагая, «то, что является отклонением от норм старой системы, может стать нормой в становящейся социальной системе... новый формат поведения может быть адекватен вызовам будущего» (с. 99). Новизна социологического аспекта изучения нормальной аномии состоит, по Василенко, в следующем исходном положении: «в поисках образцов этой новой нормальности надо обращать внимание не на большие социальные группы, а на малые... наиболее влиятельные, обладающие большим символическим, интеллектуальным, финансовым и социальным капиталом» (с. 99). Л.А. Василенко в своей трактовке нормальной аномии описывает синергетические эффекты самоорганизации. Существенный вклад в понимание нормальной аномии вносит создание Н.Н. Мещеряковой концепции «рефлексивной аномии», также построенной

на синергетической методологической платформе. Как отмечает автор, она порождается смещением центра принятия решений, оценочных суждений на уровень микромира. Рефлексивная аномия порождается субъективной, нелинейной реакцией социальных акторов на внешнее воздействие (с. 100). На основе синергетического подхода авторы формулируют базовые представления об особенностях современного общества. Они пишут: «Поскольку нарушается основное свойство системности – внутренняя упорядоченность и согласованность, то современное общество приобретает качественно иные свойства: нелинейность, неупорядоченность, открытость, отсутствие единых законов» (с. 103). Образцом новой системности является уже не пирамида, а ризома (там же). Цифровое общество – это не только развитие современных коммуникационных технологий, но и изменение атрибутов социальности, например, перенесение значительной части социальных взаимодействий и отношений в виртуальное пространство, появление новых нечеловеческих субъектов взаимодействий, например, ботов (с. 104). Каким же предстает в версии авторов негативный сценарий? Негативные стороны обусловлены неоднозначными аспектами развития цифрового социума. К этим аспектам относятся «цифровые следы» человека, биометрическая идентификация и «цифровые двойники», неопределенность в этике цифрового общества, в сетевом и мобильном этикете, требованиях информационной экологии и гигиены, цифровое неравенство, цифровое насилие и управление (с. 109–135). Все эти факторы подробно рассмотрены авторами в разделе 3.2 на обширном материале социальных исследований.

Завершает монографию глава, посвященная социологическим методам исследования цифрового общества. По своему содержанию ее можно отнести к наиболее новаторскому разделу всей работы. В ней значительная часть посвящена исследованию и представлению понятийно-категориального аппарата изучения цифрового общества. Авторы отмечают, что понятие цифровизации становится такой же значимой категорией, какой была категория модернизации. И перед социологией встал вопрос, как измерить уровень цифровизации (с. 136). Авторы опираются на такие категории социологии, как социальное действие и социальные институты и предлагают спецификацию их применения к новому объекту изучения. «Особенностью современных социальных институтов является их подвижный, текучий характер, постоянная перекombинация элементов», и «замещение реальных социальных взаимодействий ...

виртуальными. Взаимодействия остались, изменились их форма и средства» (с. 137). Новые возможности для познания цифровой реальности открывает введение больших данных в предметное поле науки, что становится ведущим фактором обновления методологической базы социологии (там же). Авторы дают следующую интерпретацию больших данных в социологии: это «слабо структурированные социальные данные большого объема и значительного многообразия, увеличивающие свой объем и разнообразие в реальном времени» (с. 138). Эта система данных характеризуется интерактивностью, постоянным информационным обменом между ее элементами, взаимодействием с пользователем (там же). В данном разделе предложена классификация больших данных в социологии, продемонстрированы возможности их использования при решении различных задач. Здесь же вводится определение понятия цифровой социологии: это направление исследований, предметом которых являются онлайн-сообщества и коммуникация, осуществляемая в Интернете (с. 143). Заключительные разделы 4.2 и 4.3 посвящены анализу накопленного опыта использования количественных и гибридных методов цифровой социологии. В поле зрения – многочисленные отечественные и зарубежные исследования, в том числе и авторов монографии. Как следует из представленных материалов, в цифровую социологию входит весь арсенал, как традиционных методов, так и их модификаций или же вновь созданных: анализ больших данных, неотрузивные методы включающие контакт исследователя с объектом исследования (О.В. Крыштановская) (с. 153), облачные вычисления, краудсорсинг, алгоритмы машинного обучения и нейронные сети, анализ социальных сетей, «гибкие исследовательские подходы» (Л.А. Василенко) (с. 164), онлайн интервью, онлайн фокус-группы, нетнография (Р. Козинец) (с. 167), дискурс-анализ, нарратив и цифровой сторителлинг в сетевой среде, веб-метрика, онлайн-опросы (с. 150–190).

ОБСУЖДЕНИЕ/DISCUSSION

Отметим, какое впечатление оставляет рецензируемая монография после детального с ней знакомства. Если текст рассматривать как целое, то придется признать, что его содержание нацелено на подведение итогов изучения цифрового общества как особой стадии информационного общества и формирование авторского видения способа решения проблем. Представлен

текст, в котором в предельно сжатом виде сгенерированы обзоры наиболее значимых, по мнению авторов, исследований. Подход и к обзору, и к изложению собственных позиций и наработок – полидисциплинарный, что, фактически, и обусловило выход далеко за пределы предмета собственно социологической науки, и дало возможность предоставить объемную картину цифрового общества как целостности. Поэтому более точным названием книги было бы: «Цифровое общество: междисциплинарный анализ». Текст делится на две части, каждая из которых находится в разных, но сопредельных областях знания. Глава 1 имеет предметом рассмотрения общенаучные методы, глава 2 – относится к области общей социальной теории и социальной философии. Собственно, к предметной области социологии относятся главы 3 и 4, в которых обсуждение проблем изучения цифрового общества происходит на языке социологической науки. Такой полидисциплинарный и полипарадигмальный угол зрения на новую отрасль социологии вполне оправдан и еще демонстрирует эффект дифференциации внутри методологии цифровой социологии и позволит успешно использовать и совершенствовать методики на основе адекватного переноса и адаптации из арсенала общенаучных методов.

В то же время, ряд положений в тексте явно или латентно несут полемическую нагрузку. И как это свойственно настоящему научному тексту вызывают желание не соглашаться и спорить. На некоторых моментах уже ранее пришлось остановиться. Отметим некоторые авторские позиции, которые вызывают необходимость возразить и поразмышлять. Поскольку исследование в значительной степени носит методологический характер, обратим внимание на следующую позицию авторов, вызывающую сомнения в правомерности представленного толкования методологического знания. Отождествление методологии и применения методов приводит к упрощению и искажению процедуры как разработки методов частных наук, так и методов решения конкретных исследовательских задач. Такое отождествление присутствует в тексте рецензируемой книги: «Главная цель методологии – анализ происходящих изменений» (с. 29). Методология изучает и разрабатывает методы, но не сами объекты. Хотя без предварительного знакомства с предметной областью невозможно приступить к решению вопроса – как разрабатывать метод изучения этой реальности. Разработка и применение – разные этапы с разными результатами. Результат методологической

деятельности – совершенствование общенаучных методов и создание специальных методов для изучения данных предметов. Результат применения этого метода – теория предмета. «Двигаясь» по предмету изначально сформулированный в самом общем виде метод его познания «строит» модель предмета, сам одновременно претерпевая конкретизацию. Между ними находится зона перехода, создания промежуточных категорий и конструктов для перевода языка определенного общенаучного метода на язык конкретной науки и предмета в рамках этой науки. Применять напрямую, без адаптации понятийный аппарат теории систем, синергетики – значит двигаться по поверхности объекта, отождествляя его феномены с параметрами понятийной матрицы общенаучного метода с помощью процедуры «отождествления нетождественного» – по аналогии и сходству, не проникая в специфическую форму существования системных или синергических эффектов. Напротив, необходимо создавать «понятия-переходники», а в случае данного исследования конструировать социологические понятия. Авторы монографии избрали иной путь – прямую проекцию понятий общенаучных методов на некоторые социальные феномены и описывающие их понятия. Хотя некоторый набор переходных и собственно социологических понятий ими был предложен, хотя и без убедительного применения (с. 29–38). Так, содержанием таблицы на с. 31–34 стали гипотетические высказывания на основе фиксации ассоциативного подобия, сходства или совпадения частей конструкций-коннотаций, описывающих предположительно в чем-то тождественные (или подобные) по природе объекты: любые системные и любые социальные. Такое отождествление проистекает из логической ошибки – перемены местами субъекта и предиката, и гносеологического «казуса» – онтологизации понятий (гипостазирования) как типичного случая, представленного в большинстве работ по системным исследованиям (в том числе в рецензируемой книге) – отождествление реальных объектов с системами. Систем не существует (так называемые системы не обладают собственным бытием) – существуют объекты с системными свойствами. Поэтому объектами изучения могут являться не социальные системы, а системность (как их системные свойства) социальных объектов. Построение теоретических моделей системных свойств и делает эти модели предметами системного исследования.

Еще одно замечание (концептуальное) касается признания как аксиомы одной из важнейших

характеристик цифрового и информационного общества вообще. Это ссылка на возрастание скорости социальных процессов и изменений. Для авторов (как и для подавляющего большинства исследователей) это аргумент в пользу подчеркивания специфики цифрового общества, в котором именно фактор скорости порождает рост нелинейных процессов: «Современное общество текучее, турбулентное, рискогенное» (с. 102). Подчеркивание факта возрастания скоростей социальной жизни стало общепринятым тезисом. Действительно, скоростные параметры социальных процессов не остаются неизменными, как в сторону некоторого ускорения, так и замедления, но не как объективные характеристики процессов, а как воспринимаемые «наблюдателем». Думается, в этом случае «наблюдатели» (с позиций) не избежали попадания в плен иллюзии. Полагаю, следует учитывать, с какими феноменами мы имеем дело, фиксируя скоростные параметры. Возрастание скорости изменений, текучести, рисков, скачков – это о явлениях (проявлениях свойств), или сведениях о явлениях? Может, меняется только скорость поступления сведений и их экспоненциально возрастающий объем? Вероятно, мы имеем дело с иллюзией восприятия (перцепцией) сжатия времени протекания процессов и скорости накопления событий – сжимаются во времени не скорость и объемы накопления феноменов и процессов в единицу времени, а информация о них. Действительность же (в отличие от реальности как формы субъективного восприятия) константна и инертна, а сведения о ней действительно прирастают скачкообразно. В единицу времени больше сведений – но не действий. Вообще, люди быстрее не думают, а быстрее передают больше сведений. Быстрее «думают» машины с искусственным интеллектом. Но можно больше создавать физических объектов и артефактов за единицу времени. И это есть достижение техники, а вовсе не человека. Применительно к социологическому ракурсу объяснения фактора ускорения возникает вопрос: а если на самом деле действия и взаимодействия людей не ускоряются, а, напротив, относительно возрастания скорости накопления сведений замедляются или остаются неизменными (что можно было бы назвать эффектом «общей социальной теории относительности»)? Ведь, передача Другому больше сведений за единицу времени вовсе не означает ускорения процесса объяснения Другому своих мыслей или позиций. Так же и Другой будет относительно поступающих сведений медленнее понимать нас...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

В заключении отметим, что весь текст насыщен авторскими новациями в интерпретации как новых феноменов и методов, так и переосмыслением опыта предыдущих социологических исследований. Работа, несомненно, инновационная и отражает плоды многочисленных научных исследований авторов. Им вполне удалось поднять малоизученные современной социологической наукой вопросы и получить ряд аргументированных ответов о сути цифрового общества.

Работа представляет собой текст высокой степени актуальности и своевременности его введения в пространство профессионального дискурса и дискуссий социологического сообщества. Хочется пожелать авторам успешного продолжения исследований. Книга представляет значительный интерес для социологов, философов, специалистов в области социального управления, для всех, кто интересуется современными тенденциями общественного развития, стремится быть готовым жить в цифровой реальности и понимать ее суть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. (2021). Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 226 с.

REFERENCES

Vasilenko L.A. and Meshcheryakova N.N. (2021) *Sociology of Digital Society: monograph*, TPU Publishing House, Tomsk, Russia. (In Russian).